

В январе нынешнего года не стало Анатолия Генриховича Наймана — поэта, переводчика, ме-муариста. Он скончался в возрасте 85 лет.

Большой удачей Наймана стала должность литературного секретаря Анны Ахматовой, с которой молодой поэт познакомился в 1959 году. Общение с живой легендой Серебряного века сулило некоторые привилегии — Найман оказался вхож в круг друзей Ахматовой, да и сама Анна Андреевна, несомненно, оказала влияние на взгляды и вкусы Анатолия Генриховича. В 1989 году издательство «Художественная литература» выпустило книгу Наймана «Рассказы о Анне Ахматовой», ставшую заметным событием нашей культурной жизни.

«Наше с ним сближение, за которым последовало двадцать с лишним лет довольно близкой дружбы, случилось летом 1964 года, — вспоминал Михаил Ардов в книге «Вокруг Ордынки. Портреты». — Мы оба гостили у Ахматовой в Комарове. В её “Будке” было очень тесно, но пустовал соседний домик, и нам разрешили в нём поселиться.

Именно тогда, в Комарове, я вполне оценил Наймана как человека умного и наблюдательного, блистательного собеседника и изумительного рассказчика. Кроме того, я полюбил его тогдашние стихи, некоторые из них я и по сию пору помню».

Эрудиция, чувство юмора и острословие выгодно отличали Наймана. Но всегда ли деликатно и осторожно пользовался он доверием друзей в угоду чисто литературной занимательности? Громкий скандал возник в связи с публикацией его романа «Б. Б. и др.», прототипом главного героя которого признали известного филолога Михаила Мейлаха.

Виктор Топоров, например, так высказался о сочинении Анатолия Генриховича: «Найман написал и опубликовал (в “Новом мире”) роман о своём друге (или бывшем друге), зашифровав его имя изменёнными инициалами Б. Б. и окунув этого Б. Б. в гущу реальных людей и фактически имевших место событий. В принципе сочинение такого рода (*Schlüssel-Romane* — “романы с ключом”, называют их немцы) — дело подсудное, и Найман неуклюже под-

страховался, несколько раз упомянув подлинное имя прототипа Б. Б. и даже заставив Б. Б. этому самому М. М. завидовать».

Персона яркая, одарённая и сложная, Найман и отношение к себе и своим сочинениям вызывал неоднозначное. Ревность (или зависть), явное или скрытое недоброжелательство, соперничество — в литературной жизни явления нередкие.

Только неумолимое время расставляет всё по местам, определяет иерархию талантов.

Давно ушли друзья юности Наймана — Бродский, Горбаневская, Довлатов... Возможно, напишут о нём что-то ныне здравствующие Евгений Рейн и Дмитрий Бобышев. Я лишь поделился соображениями о книге Анатолия Наймана об Ахматовой. Мнения о ней, кстати, встречаются полярные...

СНАЧАЛА УРОКИ, ВЫПИТЬ ПОТОМ

Тридцать лет с лишним назад, в 1989 году, московское издательство «Художественная литература» выпустило огромным (по нынешним временам!) тиражом — 100 тысяч, это только допечатка! — замечательную книгу Анатолия Наймана «Рассказы о Анне Ахматовой».

Именно так — о Анне Ахматовой. Хотя вернее было бы — об Анне Ах-

матовой, в соответствии с нормами русского языка. Лидия Чуковская свою поистине непревзойдённую трёхтомную хронику жизни Ахматовой, вышедшую в середине 90-х, назвала «Записки об Анне Ахматовой». Однако Найман нисколько не прогадал и не ошибся: книга с подчёркнуто неакадемичным, точно выбранным названием — очень личностная, основанная на собственном опыте общения с великим поэтом, производит неизгладимое впечатление. И автор («интеллектуальный ковбой», по дружескому определению Сергея Довлатова) в ней предстаёт достойным собеседником героини, человеком не просто наблюдательным и памятьливым, но и обладающим острым аналитическим умом. Это именно рассказы: порой незатейливые и забавные, порой драматические, достоверно передающие атмосферу времени и обстановки, в которой протекала жизнь Ахматовой последних лет. Впрочем, мне попадались и иные оценки труда Анатолия Наймана. Нью-йоркский

литератор Владимир Соловьёв, например, вспоминал: «Он (С. Довлатов) дал мне прочесть рукопись книги Наймана об Ахматовой, которая удивила меня незначительностью наблюдений и плоским стилем...» Оставим, однако, это суждение на совести Соловьёва, автора недоброжелательного и часто несправедливого.

Лидия Чуковская так описывает первую встречу с Анатолием Найманом: «В комнату, постучав, вошёл незнакомый юноша. Черноволосый, чернобровый. Черты лица чёткие, прямые, правильные, лицо замкнутое.

— Лидия Корнеевна, разрешите вам представить, это Анатолий Генрихович Найман, Толя, — сказала Анна Андреевна. Юноша поклонился, мы пожали друг другу руки... Толя — Анатолий Генрихович — вежливо улыбнулся. Я начала припоминать. Я уже слышала наименование “Толя Найман” от кого-то, кто недавно побывал в “Будке”. Сообразила: Толя Найман — один из молодых поэтов, подружившихся в последнее время с Анной Андреевной. Да, да: Иосиф Бродский, Толя Найман, Женя Рейн и кто-то ещё...» («Кто-то ещё» — Дмитрий Бобышев. — Ю.К.)

В первых же строках книги Найман сообщает, что познакомился с Ахматовой осенью 1959 года, ему было 23 года, и, разумеется, пишущему стихи молодому человеку хотелось, чтобы их услышала Анна Андреевна. Память сохранила первое впечатление: «...она была ошеломительно — скажу неловкое, но наиболее подходящее слово — грандиозна,

неприступна, далека от всего, что рядом, от людей, от мира...» Глубоко потрясённый встречей, Анатолий Найман ощутил, что ему уже не важно, понравились ей его стихи или нет, потрясение вызвал сам факт, что она их услышала... Автор доходчиво и убедительно объясняет причину, по которой поэтическая молодёжь стремилась к Ахматовой. Она олицетворяла собой связь времён. Действительно, рядом с Ахматовой возникали великие тени Блока, Гумилёва, Мандельштама. И услышать слова одобрения, поддержки последнего представителя Серебряного века было важнее благожелательных отзывов сверстников.

Анатолий Найман начинает с неких внешних примет. «Бездомность, неустроенность, скитальчество. Готовность к утратам, пренебрежение к утратам, память о них... “Выгодный” перевод, который ей предлагали, означал недели или месяцы утомительной работы, напоминал о семидесятирублёвой пенсии. Переезд на лето в Комарово начинался с поисков дальней родственницы, знакомой, приятельницы, которая ухаживала бы за ней, помогала бы ей. Вручение итальянской премии или оксфордской мантии подчёркивало, как она больна, стара. Точно так же её улыбка, смех, живой монолог, шутка подчёркивали, как скорбно её лицо, глаза, рот...»

Автор не ограничивается этими наблюдениями; ему важно понять, в чём причина «бездомности» великого поэта. И он — сдержанно и деликатно — поясняет, что семьёй Ахматовой в ту пору были Пунины —

Анатолий Найман
Рассказы
О АННЕ
АХМАТОВОЙ

дочь последнего мужа Ахматовой Ирина и его внучка Анна. У них, разумеется, было полно собственных забот, но имелась и некая негласная привилегия — считаться семьёй последнего поэта Серебряного века. А уж какая непристойная история разразилась после кончины Анны Андреевны, когда её наследие (она говорила: «О каком наследстве можно говорить? Взять под мышку рисунок Моды и уйти») делили люди, к нему не причастные. Анатолий Найман замечает: «...Те, кто не имели на архив Ахматовой никакого права, но в чьих руках он оказался, устроили позорную борьбу за него, состоялось позорное судебное разбирательство, в результате рукопись расползлась

по трём разным хранилищам, и при этом неизвестно, сколько и каких разрозненных листков прилипло к чьим рукам».

...Не знаю, вёл ли Анатолий Генрихович дневниковые записи о встречах и беседах с Ахматовой. Так или иначе, его воспоминания изобилуют высказываниями Анны Андреевны, её оценками и суждениями, и подлинность их не вызывает сомнений. С глубоким анализом стихотворений Ахматовой соседствуют прелестные бытовые наблюдения.

«За долгие годы сложился и отлился в точную, завершённую форму обряд приёма более или менее случайных посетителей. “Уладьте цветы”, — говорила она кому-нибудь из домашних, освобождая гостя от букета, и ему: “Благодарю вас”. Затем: “Курите, не стесняйтесь, мне не мешает — я сама более тридцати лет курила”. К тому, что приходят из любопытства или тщеславия, относилась покорно, как к неизбежному, и бывала довольна, если во время такого визита возникало что-нибудь неожиданно интересное...

В её стихах юмор — редкость, а в разговоре, особенно с близкими, она часто шутила, и вообще — шутливый тон всегда был наготове. Она смеялась анекдотам, иногда в голос, иногда прыскала. Вставляла в разговор центральную фразу из того или другого, не ссылаясь на самый анекдот. “И как правильно указывает товарищ из буйного отделения...”; “Сначала уроки, выпить потом...”; “То ли, сё ли, батюшка, а то я буду голову мыть...” Очень хорошо знала

и любила Козьму Пруткову. Признавалась в любви к стихам Ал. К. Толстого...

Она, например, заявляла: «Я не люблю шестистопный ямб при пятистопном». Об определяющей, конструирующей роли размера для поэмы, о том, чуть ли не что «поэма — это размер», она говорила не однажды... Только новый размер определил удачу «Мороза, Красного носа» и «Двенадцати»...

И ещё одну особенность поэтики Ахматовой отмечает Найман. «Это был, так сказать, патентованный ахматовский приём, почти правило: надеть перчатку с левой руки на правую, вывернуть ситуацию наизнанку, снять высокий стиль, поднять низменное, столкнуть несопоставимые на первый взгляд вещи... Она утверждала, что поэт всегда «неуместен», всегда «воплощённая бестактность»...»

* * *

Мои детство и юность прошли в Замоскворечье. Пятницкая, Полянка, Ордынка были соседними улицами, знакомыми вдоль и поперёк. Третьяковка была не прославленной всемирно галереей, а любимым, необходимым местом. А Ордынка с известной всей Москве квартирой Ардовых стала популярна у читающей публики благодаря книжке Михаила Ардова, сына юмориста Вик-

тора Ардова. В эту квартиру, когда в ней гостила Ахматова, приходили Пастернак и Зощенко, Бродский и Горбаневская, многочисленные известные и неизвестные персонажи. Участником многих встреч был, конечно, Анатолий Найман.

Годы спустя мне думалось, что, оказавшись случайно на Ордынке, я мог встретить Анну Андреевну — ну, хотя бы теоретически. Вздор, конечно: Ахматова по улицам не разгуливала, передвигалась на такси. Но некую таинственную связь с Анной Андреевной я ощутил, познакомившись в Париже с Натальей Горбаневской. «Как поэтесса она была сразу признана Ахматовой, — замечает Анатолий Найман, — стихи были оценены без скидок на возраст, неблагоприятные обстоятельства и так далее». Наташа — так называли её друзья и знакомые, невзирая на разницу в возрасте — была дружна с Бродским и другими «аввакумовцами». И, по свидетельству Наймана, Ахматова, воспринимавшая этих поэтов как группу, говорила: «Вам четверым нужна ещё поэтесса. Возьмите Горбаневскую».

А Анатолия Наймана встретил только раз — в Москве, на вечере памяти Натальи Горбаневской в библиотеке «Мемориала». Не решился, к сожалению, поблагодарить писателя за книгу об Ахматовой. Лучшую, может быть, из написанных им...